

Говард Филлипс Лавкрафт

Уинифред В. Джексон

Крадущийся хаос

Об удовольствиях и страданиях, получаемых от употребления опиума, написано много книг. Восторги и ужасы Де Квинси и искусственный рай Бодлера сохранены и переданы с искусством, которое делает их бессмертными; поэтому мир прекрасно осведомлен о прелести и пугающих тайнах тех туманных реалий, в которые уносится одухотворенный мечтатель. Но сколько бы ни говорилось, еще ни один человек не осмелился проникнуть в природу фантастических видений, открывающихся воображению; никто даже намеком не указал направления неведомых дорог, по которым неодолимо влечет употребляющего наркотики.

В своих снах Де Квинси переносился в Азию, в эту обитель призрачных теней, чья древность, пережившая множество рас и эпох, отнимает молодость у человека; но дальше он не осмеливался идти. Те же, кто переступал роковой предел, редко возвращались; и даже возвращаясь, они либо молчали, либо впадали в безумие.

Я принимал опиум всего однажды - во время чумы, когда врачи лекарствами старались заглушить агонию, излечить которую были не в силах. Мне досталась чрезмерная доза - доктор едва держался на ногах от напряжения и усталости, - и я отправился в далекое путешествие. В конце концов я вернулся и остался жив, но мои ночи с тех пор наполнены странными воспоминаниями, и я запретил врачам когда-либо снова давать мне опиум.

Боль и биение в голове были совершенно невыносимы, когда мне дали наркотик. О будущем я не думал: бегство от боли с помощью лекарств, сна или смерти было моей единственной мыслью. Горячечное состояние не позволяет точно установить момент перемещения: мне кажется, это произошло сразу после того, как биение перестало причинять боль. Как я сказал, мне досталась чрезмерная доза, и мое восприятие в тот момент было далеко от нормального. Ощущение падения, странно отделенное от идеи притяжения и направленности, ошеломило меня. Подсознательно я улавливал движение неисчислимого роя существ, бесконечно отличных по природе от человека, круживших вокруг меня. Иногда мне казалось, что я завис в пустоте, а мимо проносятся вселенные и эпохи. Неожиданно боль прекратилась, и биение стало восприниматься как некая внешняя сила, не находящая отклика внутри. Падение тоже прекратилось, уступив место ощущению тревожного, непродолжительного покоя. Но стоило мне прислушаться, как рокочущее биение превратилось в огромное, беспокойное море, чьи злобные волны терзали неведомый пустынный берег. В этот момент я открыл глаза.

Какое-то мгновение окружавшие меня предметы выглядели размытыми, словно изображение, потерявшее фокус, но постепенно я обнаружил, что нахожусь один в незнакомой, прекрасно убранной комнате, освещенной множеством окон. О точном местонахождении я не имел ни малейшего представления, ибо мысли мои до сих пор оставались разбросаны. Разноцветные ковры и драпировки; искусно изготовленные столы, стулья, оттоманки и диваны; ажурные вазы и орнаменты давали представление о чем-то экзотическом, хотя и не совсем чужеродном. Но не вещи завладели моим умом. Медленно, с тяжелой неотвратимостью вползая в сознание и вздымаясь над остальными впечатлениями, пришел головокружительный страх неизвестности - страх тем больше, что я не мог понять природы его; все мои чувства поглотило ощущение надвигающейся опасности - не смерти, но какой-то безымянной, неслыханной твари, невыразимо более жуткой и отвратительной.

Теперь стало ясно, что источником моего страха было скрытое биение, чье непрекращающееся эхо бешено колотилось в моем усталом мозгу. Казалось, оно исходило извне и снизу комнаты, где я стоял: его глухие удары причудливо переплетались с ужасающими образами, которые рождало мое воображение. Какое-то жуткое существо притаилось за обитыми шелком стенами; в глубине окружавших меня стрельчатых окон сжимались и ускользали от взгляда его темные тени. Стارаясь не смотреть наружу, я отыскал шторы и опустил их; потом с помощью кресала и огнива, которые нашлись на одном из маленьких столиков, зажег множество свечей, расставленных вдоль стен в изящных канделябрах. Искусственный свет и закрытые окна до некоторой степени успокоили мои нервы: единственное, от чего мне не удалось отгородиться, было монотонное биение, наполнявшее комнату. Однако теперь, когда я чувствовал себя уверенней, этот звук стал столь же чарующим, сколь пугающим был ранее, и мной овладело противоречивое желание отыскать его источник. Приоткрыв бархатную портьеру в углу комнаты, я увидел небольшой, богато драпированный коридор, оканчивавшийся глубокой оконной нишей и резной дверью. Все мое существо неудержимо влекло к этому окну, в то время как плохо осознанное предчувствие, казалось, с такой же силой удерживало меня. Приблизившись, я различил в удалении хаотический водяной вихрь, который рассыпался пылью, стоило мне выглянуть наружу.

Моим глазам предстало зрелище, недоступное до сих пор ни одному из смертных; лишь горячечная фантазия или преисподняя опиума могла породить его. Строение, куда я попал, возвышалось на крохотном участке суши - вернее, на том, что осталось от нее. Триста футов отвесной стены отделяли меня от кипящего безумия вод. По обе стороны здания разверзлись свежевымытые пропасти красноватой глины, тогда как передо мной тяжелые волны еще продолжали накатывать и с жуткой размеренностью пожирать уцелевший клочок земли. В милю или больше от стен поднимались и опадали грозные валы по меньшей мере в пятьдесят футов высотой. Дальше, у самого горизонта, хищными ястребами застыли темные облака фантастических очертаний. Темно-багровые, почти черные, волны цеплялись за податливые красноватые берега, словно неуклюжие, жадные руки. Казалось, злобный дух вод объявил беспощадную войну тверди, вдохновляемый хмурым небом.

Оправившись наконец от оцепенения, в которое ввергло меня это противоестественное зрелище, я обнаружил, что опасения мои были не напрасны. Пока я смотрел, берег заметно уменьшился, и оставалось совсем немного времени до того момента, когда подмытое жестокими валами здание неминуемо обрушится в темную бездну бурлящих волн. Отвернувшись, я непроизвольно поспешил в противоположную окну сторону, отыскал дверцу и вошел, без колебаний закрыв ее на торчавший в замочной скважине ключ причудливой формы.

Новое потрясение ожидало меня, когда вместо привычной обстановки дома моим глазам предстал бескрайний песчаный пляж. Гигантская дюна разделяла океан, и по обе стороны от нее властвовали враждебные стихии. Налево величественно вздымалось море с большими зелеными волнами, мирно перекатывавшимися под слепящим солнцем; что-то в сиянии солнца и его положении заставило меня насторожиться, однако я до сих пор не могу сказать, что это было... Направо воды светлели: их спокойную голубизну оттеняло хмурое небо, нависшее над ними. С этой стороны берег дюны казался скорее белым, чем красноватым.

Вид суши заставил меня немало удивиться: ничто из густой растительности, покрывающей остров, не походило на виденное мною до сих пор. Горячий воздух и яркость зелени наводили на мысль о близости к экватору, однако, кроме вездесущих пальм, мой взгляд не находил ни одного знакомого тропического растения. Дом, который я только что оставил, оказался очень мал - чуть больше коттеджа. Архитектурный стиль его представлял собой сверхъестественное смешение западных и восточных форм: по углам застыли мраморные коринфские колонны, на крыше из красной черепицы высилась китайская пагода. От двери протянулась дорожка необычайно белого песка, около четырех футов шириной; по обеим сторонам ее покачивались пальмы и незнакомые цветы. Вытянувшись вдоль белого берега, дорожка вела в глубь острова, пересекая высокий песчаный бархан. Все мое существо охватило желание броситься бежать вдоль этой путеводной тропы, словно неведомый злобный дух вод преследовал меня. После небольшого подъема я достиг вершины песчаного гребня; за моей спиной остались коттедж и кипящие воды; зеленое море по одну и синее море по другую сторону дюны и безымянное проклятье, опускающееся над ними. Я никогда не возвращался обратно, и только в снах... Бросив последний взгляд, я решительно зашагал в глубь острова, раскинувшегося передо мной.

Тропинка, как я уже говорил, бежала вдоль светлого берега. Впереди и справа простиралась замечательная долина, покрытая качающейся порослью тропических трав выше человеческого роста. Совсем у горизонта выделялась колоссальная пальма, листья которой очаровывали и, казалось, подзывали меня. К этому времени страх мой рассеялся, однако, стоило мне остановиться и в изнеможении присесть на тропинку, бесцельно погружая ладони в теплый песок, как новое, внезапное чувство тревоги охватило меня. Что-то неизъяснимо опасное притаилось в шуршащей высокой траве, усиливая зловещий рокот, доносившийся с моря, и я вскочил, выкрикивая громко и бессвязно:

- Кто тут? Кто пугает меня?

В памяти всплыла древняя классическая история о тигре, которую я читал когда-то в детстве. Редьярд Киплинг звали ее создателя, однако, с невероятным трудом вспомнив его имя, я нисколько не поразился гротескности сравнения его с древними классиками. Намереваясь немедленно разыскать эту книгу, я готов был повернуть обратно к коттеджу, когда собственное благоразумие и призыв пальмы остановили меня.

Не знаю, было ли в моих силах противиться чарующему зову пальмы: желание достичь ее возобладало над остальными чувствами. Сойдя с тропинки, я стал карабкаться на четвереньках по склону долины, невзирая на страх перед змеями, которые могли прятаться в траве. Временами рокочущий гул моря становился непереносимым, сливаясь с коварным шелестом безумных трав, и я часто останавливался, в отчаянии закрывая уши руками, но звук не уходил. Казалось, минули эпохи, прежде чем я дополз до пальмы и лег под ее спасительной тенью.

Новые события, последовавшие затем, наполнили мою душу противоречивыми чувствами ужаса и восторга: я трепещу, вспоминая и пересказывая их. Едва я устроился под раскидистыми листьями, как передо мной возникло дитя невиданной красоты. Наделенное чертами ангела и фавна, это странное существо, казалось, излучало сияние в густой тени дерева. Оно улыбнулось и протянуло руку, но, прежде чем я встал и заговорил, воздух пронизала изумительная мелодия, которую исполнял хор невидимых певцов. Высокие и низкие ноты сливались в эфирной гармонии. К этому времени солнце опустилось за горизонт, и в сумерках я увидел лучистый ореол вокруг головы ребенка. Хрустальным голоском он обратился ко мне: "Это конец путешествия. Мы сошли с сияющих звезд, чтобы забрать тебя и перенести в счастливый город Телу за потоками Аренид".

Пока ребенок говорил, я различил мягкое сияние между листьями пальмы и поднялся с земли, чтобы приветствовать певцов, чьи голоса только что слышал. Это были боги - он и она, ибо такой красотой не обладают простые смертные. Они взяли меня за руки, говоря: "Идем с нами, ты слышал наши голоса. За Млечным созвездием и потоками Аренид есть янтарные города, сверкающие купола которых отражают звезды. Волны лазурных рек несут наши корабли в Кифарион Семи Солнц, где не умирают молодость, красота и счастье. Лишь богам дозволено жить в лазурных реках Телу, но среди них будешь жить и ты".

Слушая словно зачарованный их голоса, я много позже осознал перемену в моем окружении. Пальма, недавно укрывавшая тенью мое усталое тело, оказалась теперь на некотором удалении и значительно ниже меня. Расставшись с земным притяжением, я парил в воздухе, сопровождаемый светлым сном увитых виноградными лозами юношей и девушек с развевающимися по ветру волосами и счастливыми лицами. Мы медленно возносились, несомые нежным бризом, который поднимался не с Земли, но с золотистой туманности, и дитя прошептало мне, что я не должен оглядываться назад, к сфере, которую только что оставил. Юноши и девушки пели чудесные песни под аккомпанемент лютен, и я ощущал себя погруженным в счастье и покой, недоступные в прошлой жизни, когда вторжение единственного звука в одночасье изменило мою судьбу и разрушило душу. Словно в насмешливом, демоническом согласии, сквозь восхитительные переливы лютен пробилось далекое

биение невидимого океана. И только отзвук мрачных валов коснулся моего слуха, как я мгновенно забыл предупреждение ребенка и посмотрел вниз на обретенную планету.

Через волны эфира я видел, как вращается проклятая Земля - вращается вечно, с бурными морями, гневно гладящими дикие, пустынные побережья и разметывающими пену о призрачные башни покинутых городов. В жутком сиянии луны застыли ландшафты, которых я не могу описать и которые трудно забыть: пустыни мертвенно-серой глины и руины на месте когда-то многолюдных долин и поселений; водовороты кипящих вод на месте, где когда-то возвышались могучие замки моих предков. Вокруг полюсов клокотали болота зловонных папоротников и миазмы испарений, шипящие под натиском бесконечно вздывающих волн, которые выплескивались и рвались из вздрагивающих глубин. Оглушительный грохот расколол ночь, и в пустыне пустынь возникла дымящаяся расщелина. Темный океан продолжал пениться и клокотать, пожирая пустыню по сторонам все увеличивавшейся расщелины. Не осталось земли, кроме комьев глины, провалившихся в пенящийся океан.

И вдруг мне почудилось, что ревущие воды испугались; словно разгневанный бог преисподней грозил неуемным волнам, которые уже не могли повернуть вспять. Пустынная твердь испила роковую чашу: океан поглотил остатки ее и влился в дымящуюся воронку, в одночасье отдавая все завоеванное. Стекая с поверхности затопленных земель, он снова сеял смерть и разложение. Медленно сочившаяся вода открывала мрачные тайны веков, когда время было молодо и боги еще не родились. Поверх волн восставали заросшие водорослями остроконечные шпили. Луна зажгла бледные лилии света на мертвом Лондоне. Париж восстал из своей сырой могилы, чтобы осыпаться звездной пылью. За ними поднимались новые шпили и громады, более могучие и древние, принадлежавшие неведомым расам.

Болезненное биение стихло, остались лишь неземной рев и шипение вод, опадающих в расщелину. Грозовые тучи потеснил пар, исходящий из недр и плотной завесой окутывающий притихшую Землю. Его дыхание обжигало мне лицо, руки. Я в страхе оглянулся на своих спутников, но они исчезли. Потом все неожиданно кончилось, и я не помню ничего вплоть до того момента, когда очнулся выздоравливающим на больничной койке. И только облако пара, извергшееся из пасти Плутона, скрыло поверхность от взгляда; вся твердь содрогнулась во внезапной агонии безумных раскатов. Оглушающий грохот, разгул огня и дыма потрясли трепещущий эфир и далеко отбросили в холодную пустоту ночное светило.

И когда дым рассеялся, я снова взглянул на Землю, но на фоне холодных, насмешливых звезд различил лишь умирающее Солнце и бледные лики скорбных планет, оплакивающих свою сестру.

Перевод: А Бутузов

1992 год